

А. ПЕТРОВЪ.

Къ исторіи
«русскихъ интригъ» въ Угріи
въ XVIII в.

УЖГОРОДЪ, 1930.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩІ».

Отдѣльный оттискъ изъ «Карпаторусского Сборника» 1930 г.

Къ исторіи „русскихъ интригъ“ въ Угріи въ XVIII в.¹⁾

Покойный И. Бидерманъ²⁾, патріотъ великої восточної — Австрійской имперіи и, какъ таковой, враждебно и подозрительно относившійся къ Россіи, въ своихъ книжкахъ «*Russische Umtriebe in Ungarn*»³⁾ и отчасти «*Geschichte der österreichischen Gesamtstaatsidee 1526—1804*»⁴⁾), стремится доказать, что еще съ XVII в. и въ XVIII в. русское правительство старалось всѣми средствами утвердить свое политическое вліяніе въ Австріи, преимущественно же въ Угріи, среди Славянъ, особенно православныхъ, а также среди православныхъ Румынъ, прикрывая свою, какъ нынче говорятъ, «имперіалистическую» политику плащемъ поддержки православной вѣры. Бидерманъ переносить страхи Австріи XIX в. и въ вѣкъ XVIII-ый.

На самомъ же дѣлѣ, — по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XVIII в., — подобныхъ опасеній въ Австріи не было. Подозрительность австрійского правительства къ Россіи, конечно, существовала, но она вызывалась, съ одной стороны, ревнивостью Австріи къ усиленію вліянія Россіи на православныхъ въ Турціи. Габсбурги, какъ преемники прежнихъ королей Угріи, смотрѣли на Балканы, какъ

¹⁾ Настоятельная просьба редакціи «Карпаторусского Сборника» — въ кратчайшій срокъ представить какую либо статью, заставила насъ порыться въ собранныхъ нами ранѣе материалахъ. Ужъ очень давно старый нашъ пріятель и коллега по Вѣнскому Институту австрійской исторіи, д-ръ А. Годинка, известный историкъ карпаторусской церкви, нынѣ профессоръ университета въ Печухѣ (*Pécs, Fünfkirchen*), подарилъ намъ значительное количество копій съ архивныхъ документовъ о «московской пропагандѣ» въ Угріи въ XVIII в. Кромѣ того, въ документахъ Годинки было кое-что и о ввозѣ изъ Россіи въ Угрію богослужебныхъ и вообще церковныхъ книгъ. О томъ же находимъ еще болѣе у Годинки въ его «*A Munkácsi gör. kath. püspökség története*», Bpst, 1910, 797—810. Считаемъ нeliшимъ использовать весь этотъ материалъ. Скудныя и отрывочные известія официальныхъ документовъ представляютъ, всетаки, интересъ новизны. Подобные обрывки свѣдѣній даютъ, кромѣ того, возможность предполагать болѣе широкое распространеніе русской книжной торговли въ Угріи. Не все могло усмотрѣть бдительное око центральныхъ и стольчныхъ властей.

²⁾ I. Bidermann былъ въ 50-хъ годахъ профессоромъ юридической академіи въ Кошицахъ, потомъ въ университетахъ въ Інсбрукѣ и Грацѣ. Всѣ его работы даютъ много нового архивнаго материала, между прочимъ — »*Die ungarischen Ruthenen*«, Innsbruck, I, 1862, II, 1867. Скончался въ глубочайшей старости въ концѣ XIX в. или въ началѣ XX в.

³⁾ Innsbruck, 1867, 2+72.

⁴⁾ I, Innsbruck, 1867, XI + 174.

на територію, которая должна имъ принадлежать на основаніи «исторического права», — правда, осуществлявшагося нѣкогда не столько на дѣлѣ, сколько въ титулѣ угорскихъ королей. Съ другой стороны, — и это гораздо важнѣе, — австрійское правительство было очень недовольно поддержкой Россіей материально, а иногда и дипломатически, православія, главнымъ образомъ — среди Сербовъ. Переселившіеся въ массахъ въ Австрію (Угрію) въ концѣ XVII в. Сербы скоро убѣдились, что обѣщанная имъ съ высоты престола и подтвержденная торжественными привилегіями національная автономія и свобода православной вѣры и церкви находятся въ постоянной опасности, особенно послѣдняя, въ виду господствовавшаго въ Австрії воинствующаго католицизма. Естественно, что ихъ взоры обращались къ Россіи, въ которой они и ихъ предки въ теченіи вѣковъ видѣли защитницу православія у томящихся подъ игомъ мусульманъ единовѣрцевъ. Кромѣ того, австрійское правительство не довѣряло прочности недавно введенной у Карпаторуссовъ и Румынъ уніи и боялось возвращенія тѣхъ и другихъ въ «схизму»¹).

* * *

Больнымъ пунктомъ для австрійского правительства было присутствіе въ виноградной области Токая и Талльи небольшого русскаго военнаго отряда, имѣвшаго надзоръ надъ принадлежавшими русскому двору тамошними виноградниками²). Для этихъ русскихъ офицеровъ и солдатъ присыпался изъ Россіи православный іеромонахъ, совершившій богослуженіе въ небольшой церкви, выстроенной православной общиной греческихъ купцовъ въ Токай. Австрійское правительство чрезвычайно опасалось, чтобы эта русская православная церковь не стала очагомъ пропаганды «схизмы» среди отрекшагося недавно отъ нея окрестнаго населенія, но, въ виду офиціальныхъ союзныхъ отношеній къ Россіи, не могло открыто выступить противъ этого очага.

Приведемъ въ выдержкахъ одинъ любопытный, относящийся къ Токая, документъ³).

17 сентября 1751 г. Угорская придворная королевская канцелярія обсуждала ходатайство общины Грековъ въ Токай о разрешеніи построить тамъ болѣе обширную православную церковь, такъ какъ нынѣ существующая «capella ob innumeram tam Moscovitarum, Tallyae degentium, quam aliorum ex vicinis circumiacentibus locis pro peragendis sacris seu divinis, maxime vero eucharistiae sacramenti participatione concurrentium copiam valde angusta, — — nec dimidiam hominum partem — — capere possit». Еще, де, въ 1749 г.

¹) Относительно Карпаторуссовъ самъ Бидерманъ, впрочемъ, признается, что эти опасенія были напрасны. Ни Россія не обращала особаго вниманія на Карпатскую Русь, ни среди Карпаторуссовъ не было замѣчено никакихъ слѣдовъ вліянія русской пропаганды (*Umtriebe*, 14, 16).

²) Съ какого времени приобрѣлъ русскій дворъ здѣсь виноградники, мы не имѣемъ теперь возможности навести справки. Во всякомъ случаѣ, такие уже имѣлись при Елизаветѣ Петровнѣ.

³) Оригиналъ — въ Вѣнскомъ Архивѣ министерства финансовъ.

епископъ Ягерскій доносилъ «*de quodam callugero Moscovitis Tokayni ad latus certi genarilis Moscovitici, Visneffsky vocati, — — sacra ritus ipsorum administrante*» — и приложилъ «*literas certi cursoris extraordinarii Moscovitici*», въ которыхъ, между прочимъ, сообщалось, что къ нему, епископу, въ ближайшее время обратится русскій дворъ по вопросу о постройкѣ «*templi pro militibus Moscovitis, Tokayni degentibus*». Это дѣло въ томъ же 1749 г. было обсужденено въ «ministeriali conferentia», которая предложила императрицѣ свое единогласное мнѣніе: «*Intentatam — — per attactos Moscovitus in haereditario — — Hungariae regno schismatis propagationem sanctimoniae quidem dominantis religionis adversari, supremo vero juri Majestatico derogatoriam fore, ex quo nihilominus Aula Moscovitica rem religionis peculiari cum attentione susciperet et vel ideo fine ulterius conservandae cum dicta confederata Aula amicitiae et conjunctionis*», слѣдуетъ снести съ «*ministerio Moscovitico — — ut, si secus fieri non posset, repetitus calluger unice ac privative Moscovitis, Tokayni degentibus, sacra ipsorum ritus administrare valeat, suum vero schisma — — ibidem propagare, de quo — — Agriensis episcopus potissimum quaerulabatur, haud attentet*»¹).

На почвѣ этихъ опасеній пропаганды «схизмы» разыгрался въ 1754 г. забавный случай, показывающій, какъ «у страха глаза велики»²).

16 августа Ягерскій епископъ, гр. Францъ Баркоци (Barkóczy), писалъ угорскому канцлеру: только что онъ, Баркоци, услышалъ отъ Колочского архієпископа о полученіи послѣднимъ донесенія поджуpana Земплинской ст. о томъ, что въ послѣдніе дни прїѣхалъ въ Угрю какой то архієпископъ Московитъ съ 12 возами, въ томъ числѣ двумя, полными книгъ. Поджупанъ хотѣлъ задержать книги, но, въ виду заявленія архієпископа, что таможня³) про-

¹⁾ По смерти Елизаветы Петровны положеніе дѣлъ измѣнилось. Петръ III, поклонникъ Фридриха II, открыто сталъ на сторону Пруссіи, а, послѣ переворота Екатерины II, направленіе русской политики еще не выяснилось. Поэтому австрійское правительство не находило нужнымъ считаться такъ, какъ раньше, съ русскимъ дворомъ. Когда въ 1765 г. въ Гайду Дорогѣ часть уніатовъ вернулась въ православіе, и произведенное слѣдствіе будто-бы выяснило, что «схизматики» были въ сношеніяхъ съ московскимъ попомъ, которого привезъ для себя и своей свиты московскій генераль, резидентъ въ Токаѣ, Марія Тереза сдѣлала представленіе въ Петербургѣ объ отзваніи оттуда русского отряда (Hodinka, op. c., 608). Дѣло, однако, потомъ уладилось. Австрія нуждалась въ союзѣ съ Россіей, и русскій отрядъ продолжалъ оставаться въ Токаѣ до самаго конца XVIII в. (Bidermann, Umtriebe, 15—16).

²⁾ Всѣ нижеприводимые документы въ концептахъ или копіяхъ хранятся въ отдѣленіи Угорской королевской придворной канцеляріи въ Государственномъ архивѣ въ Будапештѣ. — Данный случай, самъ по себѣ, даетъ также новый и весьма интересный матеріалъ и о сношеніяхъ Россіи съ Черногоріей въ XVIII в.

³⁾ «*Statio tricesimalis, officium tricesimae*», такъ какъ въ таможняхъ выбиралась пошлина въ размѣрѣ $\frac{1}{30}$ стоимости ввозимаго.

пустила книги, отказался отъ этого намѣренія¹⁾). Ягерскій епископъ просить канцлера дать разслѣдовать, имѣлъ ли Московитъ должностной паспортъ²⁾ и что было далѣе сдѣлано съ книгами?

По полученіи письма, тотчасъ же былъ приведенъ въ движение правительственный аппаратъ.

Марія Тереза 30 августа приказала Угорской королевской камерѣ потребовать разъясненій отъ таможенныхъ властей, имѣлъ ли архієпископъ Московитъ паспортъ, и какой именно, и почему было дозволено ввезти книги въ Угрію?³⁾

Того же числа Марія Тереза повелѣла то же самое графу Антонію Клобушицкому, наджупану Земплинской ст., съ добавленіемъ, чтобы онъ освѣдомился у поджуна, черезъ какой именно проходъ прибылъ въ Угрію архієпископъ, куда направлялся, гдѣ предполагалъ останавливаться, кто ему сопутствуетъ, для чего прѣѣхалъ, не находится ли въ сношеніяхъ съ Московитами въ Токай? Слѣдуетъ, де, осторожно наблюдать за архієпископомъ, а, главное, узнать, какія онъ привезъ книги и не распространяетъ ли ихъ въ Угрії?⁴⁾.

Дѣло, однако, скоро выяснилось. Оказалось, что прѣѣзжій вовсе не былъ какой то Московитъ-архієпископъ, а владыка *Василій Петровичъ*, митрополитъ и въ то же время государь *Черногоріи*, отправившійся съ небольшой свитой черезъ Угрію въ Россію въ 1752 г. съ паспортомъ, выданнымъ по приказу Маріи Терезы въ Вѣнѣ 11 іюля 1752 г., и возвращавшійся теперь на родину опять таки съ подобнымъ же паспортомъ, выданнымъ по повелѣнію Елизаветы Петровны въ Москвѣ 16 мая 1754 г. Его, его свиту, вещи и книги на 12 телѣгахъ везли русскіе возчики изъ Москвы, черезъ Кіевъ, въ Угрію, а тамъ черезъ Стропковы до Будапешта, откуда вернулись назадъ въ Россію. Столь опасныя для католической Угріи книги оказались богослужебными церковно-славянскими книгами, пожертвоваными императрицей Елизаветой для Черногоріи. «Великіе глаза страху» сдѣлали изъ мухи слона!

Все это ясно видно изъ донесенія гр. Клобушицкому поджуна

¹⁾ «Hoc momento narravit mihi — — archiepiscopus Colocensis relatum sibi esse a d. vicecomite Zempliniensi, quod his diebus Hungariam intraverit quidam archiepiscopus Moscovita cum 12 curribus, quorum 2 meris libris referti erant. Libros istos voluisse vicecomitem in sequestrum accipere, abstinuisse tamen convictum archiepiscopi Moscovitae argumento, in defensam librorum adducto, quod per 30-simam libere eos ferre sit admissus.»

²⁾ «An idem Moscovita cum sufficientibus passualibus venerit?»

³⁾ «Super eo, num idem archiepiscopus cum et qualibus salvi passus litteris stipatus advenerit qualiterve ipsorum signanter librorum in Hungariam inductio admissa habeatur?»

⁴⁾ «Quando et per quem passum dictus archiepiscopus Moscovita regnum nostrum Hungariae intraverit, — — quoversus iter suum suscepere, ubi locorum actu moras nectat, quos — — ad latus suum habeat, quid negotii in Hungaria moliatur et an non quempiam cum Moscovitis, Tokaini degentibus, nexum foveat, sub manu equidem ast fundate rescire, ad haec vero ejusdem actis et factis diligenter sub manu invigilari facere, signanter vero divulgationem librorum, quos memoratus archiepiscopus secum advexisse dicitur, opportunis quisbusvis, placidis nihilominus, viis ac modis praecavere.»

I. Околичани отъ 23 сентября того же года и изъ приложенныхъ къ донесеню копій пропуска Маріи Терезы и перевода русскаго паспорта¹).

* * *

Какъ мы уже видѣли раньше²), австро-угорское правительство особенно боялось русскихъ церковныхъ книгъ, которыя, де, могутъ привести уніатовъ къ возвращеню въ «схизму». Въ повелѣнїи Маріи Терезы отъ 30 августа 1754 г. Угорской королевской канцеляріи это выражено еще яснѣе: «Провозъ архіепископомъ Москвитомъ книгъ, по разнымъ причинамъ, также и государственнымъ, требуетъ особаго вниманія, такъ какъ ихъ распространеніе представляеть явную опасность расширенія схизмы въ Угріи»³).

И ранѣе много разъ высказывались подобныя опасенія⁴).

Такъ, въ 1751 г. Ягерскій епископъ Баркоци писалъ намѣстническому совѣту: «Извѣстно, что въ Ягерской епархіи живетъ такъ много Русскихъ и Румынъ, что ихъ поповъ въ четыре раза больше, чѣмъ римско-католическихъ священниковъ. Предки этихъ Русскихъ и Румынъ приняли унію, но, какъ я убѣдился при визитацияхъ церквей, по болѣшей части только по имени. Схизматической обрядъ, схизматической воззрѣнія, схизматическая мораль господствуютъ у нихъ. Причиной этого являются невѣжество и небреженіе ихъ поповъ, которые и сами не свободны отъ ошибокъ въ вѣрѣ и морали, а все отъ того, что они пользуются преимущественно московскими церковными книгами. При допросѣ поповъ я усмотрѣлъ у многихъ ужасныя заблужденія, почерпнутыя изъ схизматическихъ книгъ. Между прочимъ, во время богослуженія они поминаютъ, вмѣсто ея величества и папы, царя и Петербургскаго патріарха (!). Въ сосѣдней Польшѣ существуютъ типографіи, печатающія церковныя книги, очищенные отъ схизматическихъ заблужденій и къ тому же болѣе дешевыя, но они всетаки предпочитаютъ обращаться въ Москву, несмотря на далекое и трудное путешествіе. Очевидно, имъ нравятся заблужденія московскихъ книгъ»⁵).

¹) Въ приложении сообщаемъ въ выдержкахъ донесеніе Околичани и полностью копіи паспорта австрійскаго и латинскаго перевода паспорта русскаго.

²) См. выше.

³) «Casus isthic diversis, statum quoque publicum involventibus de causis peculiarem attentionem exposcit, dum signanter evidens dilatandi in praelibato Hungariae regno per allatos praedenotatos libros ipsius schismatis periculum subversatur.»

⁴) Здѣсь не мѣсто, конечно, разбираться въ томъ, дѣйствительно ли неграмотный карпаторусскій народъ и его полуграмотное духовенство могли быть ввергнуты въ «схизму» напечатанными въ «схизматическомъ» «Muszka ország» (Московскомъ государствѣ) книгами, или же были и другія, болѣе важныя причины непрочности уніи въ Угріи въ XVIII в.? О послѣднемъ вопросѣ см.: А. Петровъ, «Старая вѣра» и унія — Матеріалы, II, С.-Пб. 1906.

⁵) Hodinka, op. c., 798—799. Къ этому Годинка прибавляетъ, что уніатскія типографіи въ Польшѣ были мало производительны и не могли соперничать съ православными (ib., 799). Къ тому же, какъ увидимъ, совсѣмъ не нужно былоѣздить въ Россію, — книгоноши сами привозили книги въ Угрію.

24 мая 1726 года намѣстническій совѣтъ донесъ Угорской королевской канцеляріи о письмѣ отъ 8 апрѣля того же года Іосифа Годермарскаго, намѣстника Мукачевскаго епископа, въ которомъ Годермарскій сообщаетъ, что «на Карпатскую Русь привезено изъ Польши¹⁾ много схизматическихъ церковныхъ книгъ, частію необходимыхъ для совершенія богослуженія, таинствъ и обрядовъ, частію же проповѣдей, но всѣ эти книги полны еретическихъ учений, главнымъ образомъ, обѣ исхожденіи св. Духа, нѣкоторыя же прямо направлены противъ папской власти. *Если эти книги не будутъ запрещены и конфискованы, то пропадетъ все, чего достигло принявшее унію духовенство*». Намѣстническій совѣтъ, находя, что ввозъ и распространеніе подобныхъ книгъ не только вредить унії, но угрожаетъ и «*saluti publico*», далъ Мукачевскому епископу и его намѣстнику полномочіе конфисковать подобныя книги, въ чемъ должны имъ помогать и столичныя власти²⁾).

Этими примѣрами мы и ограничимся.

* * *

Извѣстно, что Карпатская Русь получала рукописи, а потомъ и печатныя книги, какъ съ юга — отъ Югославянъ и Румынъ, такъ и съ сѣвера и востока — изъ Галичины, а черезъ нее и вообще изъ Польско-Литовскаго и Московскаго государствъ³⁾). Какъ видно изъ записей на книгахъ, не только въ XVI и XVII вв., но и позже обычнымъ способомъ пріобрѣтенія книгъ была частная покупка ихъ при томъ или другомъ удобномъ случаѣ. На Карпатской Руси, однако, даже въ концѣ XVII в. преобладали рукописи, печатныхъ же книгъ при церквахъ было очень мало. Въ 1680 г. Мукачевскій епископъ Іеронимъ Липницкій въ письмѣ къ одному католическому архиастырю писалъ: (*«Libri) fere omnes sunt manuscripti, erronei, confusi, illegibiles; ob hos defectus vix in 20 pagis legi s. lyturgia potest»*⁴⁾).

Къ какому времени относится начало проникновенія въ Угрю *московской разносной торговли книгами, московскихъ ходебицкъ, книгоношбъ*, обѣ этомъ нѣть никакихъ данныхъ, — думаемъ, однако, что не ранѣе начала XVIII в. Съ одной стороны, лишь въ концѣ XVII в. Угрія была очищена отъ Турокъ, внутреннее же успокеніе упрочилось въ ней только послѣ Сатмарского мира 1711 г., закончившаго многолѣтнюю борьбу — *«szabadság harc»* — «освободительную войну» — Франца II Ракоци съ Вѣной. Съ другой стороны, лишь въ началѣ же XVIII в. Россія была введена Петромъ I въ болѣе тѣсное общеніе съ западно-европейскими госу-

¹⁾ Т. е. Галичины, а черезъ нее и изъ остальной Польши, а также изъ Россіи.

²⁾ Hodinka, op. c., 802—803.

³⁾ А. Петровъ, Матеріалы, IV, 65—71, V, 1—2; Древнѣйшія грамоты по ист. карпаторусской церкви и іерархіи 1391—1498 г., Прага, 1930, 103.

⁴⁾ Hodinka, op. c., 795, пр. 1, изъ архива примаса Угріи.

дарствами, въ томъ числѣ и съ Австро-Угрієй¹). И, дѣйствительно, первое документарное извѣстіе о московскихъ книгоношахъ относится къ 1711 г.: задержанные на границѣ Угріи въ 1727 г., книгоноши изъ г. Владимира при допросѣ заявили, что они уже 16 лютого ежегодно прїезжаютъ въ Угрію для продажи книгъ²).

Путь книгоношъ далеко не былъ устланъ розами — особенно съ половины двадцатыхъ годовъ XVIII в. Кромѣ придиrokъ низшихъ властей, книгоношамъ приходилось преодолѣвать и препятствія, воздвигавшіяся центральнымъ правительствомъ.

Первымъ такимъ препятствіемъ была цензура для книгъ, напечатанныхъ въ Угріи, введенная въ 1693 г. Леопольдомъ I. Эту мѣру подтвердилъ и Карлъ III 18 іюля 1715 г. Ввозимыя изъ-за границы книги должны были быть представляемы въ Тернавскій іезуитскій университетъ, канцлеру котораго поручено было ихъ разсматривать и опасные для церкви и государства подвергать конфискації³).

Вторымъ препятствіемъ — и самымъ труднымъ — былъ надзоръ за границами, установленный, главнымъ образомъ, послѣ Ракоціевскаго восстанія 1703—1711 гг. Первое время, впрочемъ, надзоръ существовалъ болѣе на бумагѣ. Намѣстническій совѣтъ 23 сентября 1725 г. сообщаетъ, что начальники пограничной стражи на польской границѣ, особенно въ ея мукачевскомъ отдѣлѣ, свободно пропускаютъ разныхъ нищихъ и бродягъ. Было затребовано объясненіе отъ Бемера, начальника этого отдѣла. Тотъ, въ донесеніи отъ 25 ноября того же года, заявилъ, что на путяхъ, ведущихъ въ Польшу,

¹⁾ Нѣкоторые указанія могла бы дать исторія торговли книгами въ Московскомъ государствѣ, но здѣсь у насъ нѣть обѣ этомъ подъ руками никакихъ пособій. Годинка предполагаетъ, что уже въ половинѣ XVII в. приходили въ Угрію такіе московскіе торговцы, но основывается только на отвѣтѣ Мукачевскаго епископа, Василія Тараковича, на показанія одного свидѣтеля при допросѣ, произведенномъ Бережской столицею 12 ноября 1640 г. о дѣятельности этого епископа. Свидѣтель заявилъ, что епископъ взялъ очень дорогую цѣну за антиминсы, на которомъ было всего только нѣсколько печатныхъ строчекъ. Епископъ отвѣтилъ: «Я не самъ изгото维尔 антиминсы, а купилъ его дорого у типографа», т. е., замѣчаетъ Годинка, въ «Oroszország», ибо въ Угріи тогда не было типографіи съ кирилловскими литерами. Значить, де, тогда навѣрное уже проникли въ Угрію московскіе книгоноши (ор. cit., 797, 800). Но, во первыхъ, рѣчь идетъ не о книгѣ, а о печатномъ формулярѣ антиминса, во вторыхъ же, антиминсы былъ купленъ не у книготорговца, а у типографа. Вѣрнѣе всего, Тараковичъ могъ купить антиминсы именно въ Галичинѣ, съ которой онъ имѣлъ постоянныя связи и которую онъ, возможно, и лично посѣщалъ.

²⁾ Годинка, оп. с., 804. Вообще, документарный матеріалъ у Годинки очень не полонъ: Годинка не собиралъ его систематически, а списывалъ лишь то, что случайно попадало ему подъ руку, а на основаніи такого матеріала нѣть возможности составить болѣе цѣльный очеркъ русской книжной торговли въ Угріи въ XVIII в. Кромѣ того, какъ мы указали выше и какъ видно и изъ документовъ, не всѣ случаи появленія книгоношъ доходили до свѣдѣнія властей. Интересны въ этихъ документахъ и иные бытовыя черточки.

³⁾ Годинка, оп. с., 800.

дарствами, въ томъ числѣ и съ Австро-Угрієй¹). И, дѣйствительно, первое документарное извѣстіе о московскихъ книгоношахъ относится къ 1711 г.: задержанные на границѣ Угріи въ 1727 г., книгоноши изъ г. Владимира при допросѣ заявили, что они уже 16 лѣтъ ежегодно прїезжаютъ въ Угрію для продажи книгъ²).

Путь книгоношъ далеко не былъ устланъ розами — особенно съ половины двадцатыхъ годовъ XVIII в. Кромѣ придиrokъ нисшихъ властей, книгоношамъ приходилось преодолѣвать и препятствія, воздвигавшіяся центральнымъ правительствомъ.

Первымъ такимъ препятствіемъ была цензура для книгъ, напечатанныхъ внѣ Угріи, введенная въ 1693 г. Леопольдомъ I. Эту мѣру подтвердилъ и Карлъ III 18 іюля 1715 г. Ввозимыя изъ-за границы книги должны были быть представляемы въ Тернавскій іезуитскій университетъ, канцлеру которого поручено было ихъ рассматривать и опасныхъ для церкви и государства подвергать конфискаціи³).

Вторымъ препятствіемъ — и самымъ труднымъ — былъ надзоръ за границами, установленный, главнымъ образомъ, послѣ Ракоціевскаго восстанія 1703—1711 гг. Первое время, впрочемъ, надзоръ существовалъ болѣе на бумагѣ. Намѣстническій совѣтъ 23 сентября 1725 г. сообщаетъ, что начальники пограничной стражи на польской границѣ, особенно въ ея мукачевскомъ отдѣлѣ, свободно пропускаютъ разныхъ нищихъ и бродягъ. Было затребовано объясненіе отъ Бемера, начальника этого отдѣла. Тотъ, въ донесеніи отъ 25 ноября того же года, заявилъ, что на путяхъ, ведущихъ въ Польшу,

¹⁾ Нѣкоторые указанія могла бы дать исторія торговли книгами въ Московскомъ государствѣ, но здѣсь у насъ нѣть обѣ этомъ подъ руками никакихъ пособій. Годинка предполагаетъ, что уже въ половинѣ XVII в. приходили въ Угрію такие московские торговцы, но основывается только на отвѣтѣ Мукачевского епископа, Василія Тарасовича, на показанія одного свидѣтеля при допросѣ, произведенномъ Бережской столицею 12 ноября 1640 г. о дѣятельности этого епископа. Свидѣтель заявилъ, что епископъ взялъ очень дорогую цѣну за антиминсы, на которомъ было всего только нѣсколько печатныхъ строчекъ. Епископъ отвѣтилъ: «Я не самъ изгото维尔ъ антиминсы, а купилъ его дорого у типографа», т. е., замѣчаетъ Годинка, въ «Oroszország», ибо въ Угріи тогда не было типографіи съ кирилловскими литерами. Значить, де, тогда навѣрное уже проникли въ Угрію московские книгоноши (ор. cit., 797, 800). Но, во первыхъ, рѣчь идетъ не о книгѣ, а о печатномъ формулярѣ антиминса, во вторыхъ же, антиминсы былъ купленъ не у книготорговца, а у типографа. Вѣрнѣе всего, Тарасовичъ могъ купить антиминсы именно въ Галичинѣ, съ которой онъ имѣлъ постоянныя связи и которую онъ, возможно, и лично посѣщалъ.

²⁾ Hodinka, op. c., 804. Вообще, документарный матеріалъ у Годинки очень не полонъ: Годинка не собиралъ его систематически, а списывалъ лишь то, что случайно попадало ему подъ руку, а на основаніи такого матеріала нѣть возможности составить болѣе цѣльный очеркъ русской книжной торговли въ Угріи въ XVIII в. Кромѣ того, какъ мы указали выше и какъ видно и изъ документовъ, не всѣ случаи появленія книгоношъ доходили до свѣдѣнія властей. Интересны въ этихъ документахъ и иные бытовыя черточки.

³⁾ Hodinka, op. c., 800.

только въ «Bolczkó»¹⁾ поставлена государственная пограничная стража, на путяхъ же Ужанскомъ, Гуменянскомъ, Стропковскомъ и Бардѣвскомъ наблюдение за границами возложено на столицы, а тѣ не держать тамъ стражи. Поэтому здѣсь разные бродяги свободно проходятъ въ Угрю. Если ихъ случайно захватятъ, то избываютъ при допросѣ и вышлютъ обратно въ Польшу. Кромѣ того, постоянно по этимъ путямъ їздятъ въ Токай и Подгорье (Hegyalja) виноторговцы изъ Польши для закупки вина. Туда же ежегодно осенью изъ монастырей въ Польшѣ идутъ русскіе попы, выпрашивая вино для себя и своихъ собратій. Ихъ иногда задерживаютъ и отправляютъ къ Мукачевскому епископу, но, если тотъ подпишетъ ихъ паспорта, ихъ свободно пропускаютъ дальше.

Въ виду такого донесенія, въ январтѣ 1726 г. Угорская королевская канцелярія и намѣстническій совѣтъ вмѣнили столицамъ въ обязанность установить строгій надзоръ за границами, а Мукачевскому епископу запретили впредь подписывать паспорта русскихъ поповъ изъ Польши²⁾). 19 августа 1726 года было предписано таможеннымъ властямъ³⁾ задерживать ввозимыя книги и посыпать въ Спишскую королевскую камеру ихъ списокъ и два экземпляра каждой для цензуры⁴⁾.

Такимъ образомъ, съ 1726 г. книгоношамъ стало уже труднѣе пробираться въ Угрю. Но въ 1726 г. имъ это удалось безпрепятственно и они проникли даже до Комарна. Въ сербской церкви въ Комарнѣ находится Минея, изданная въ Москвѣ въ 1724 г., съ записью: «Эту книгу купили комаренскіе вѣрники отъ московскихъ купцовъ въ 1726 г.»⁵⁾.

Первый, по документамъ, случай задержанія на границахъ книгоношъ съ ихъ товаромъ относится къ 1727 г.

Въ концѣ апрѣля 1727 г. начальникъ Ужанской таможни доноситъ, что 16 апрѣля двое владимирскихъ книгоношъ, Иванъ Шаляпинъ и Михаилъ Вакуровъ, заплатили таможенную пошлину съ привезенныхъ ими «раскрашенныхъ картинъ», т. е., вѣроятно, образовъ, и съ 530 большихъ и малыхъ книгъ св. писанія, псалтырей и др. Тѣмъ не менѣе, начальникъ таможни не вернулъ имъ книгъ, ибо, де, приказано задерживать всѣ некатолическія церковныя изданія. Книгоноши ему возразили, что такое распоряженіе относится не къ русскимъ книгамъ, а къ лютерanskimъ и кальвинскимъ. Къ тому же они привезли только старыя, давно одобренныя изданія, не подлежащія вновь цензурѣ. Они, де, уже 16 лѣтъ ежегодно доставляли сюда книги и никогда не имѣли никакихъ непріятностей. Заявленіе книгоношъ не подѣйствовало, и ихъ отправили въ Кошицы, въ Спишскую королевскую камеру, но и здѣсь они ничего

¹⁾ Названіе, очевидно,искажено. Что именно скрывается подъ нимъ, Годинка не взялся разъяснить, а мы тоже не решаемся тутъ высказать какое либо предположеніе.

²⁾ Hodinka, op. c., 800—802.

³⁾ «Tricesimatores».

⁴⁾ Hodinka, op. c., 803.

⁵⁾ Hodinka, op. c., 802.

не достигли, и имъ было приказано юхать въ Прешпоркъ. Книгоноши, однако, отправились прямо въ Вѣну и обратились къ русскому посольству. Посольство 18 мая составило меморіаль о проишедшемъ, посовѣтовало имъ юхать въ Прешпоркъ и достало для нихъ отъ канцлера гр. Баттьяни письмо къ предсѣдателю Прешпоркской камеры о томъ, чтобы, въ виду союзныхъ отношеній Россіи и Австріи и ходатайства русского посла, были имъ возвращены книги. Прешпоркская камера 21 мая обратилась къ подканцлеру съ изложеніемъ своего мнѣнія: хотя таможня, задержавъ книги, поступила вполнѣ согласно съ предписаніемъ отъ 19 августа 1726 г.¹), но, принимая во вниманіе, что большая часть книгъ — книги церковныя, а также потому, что просители — подданные союзной державы, слѣдовало бы, въ видѣ исключенія, вернуть имъ книги²). Были ли, однако, книги возвращены, и могли ли книгоноши ихъ распродать, остается неизвѣстнымъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія у Годинки о ввозѣ книгъ изъ Россіи относятся къ 1756 и 1757 гг.

Въ виду чумы въ Галичинѣ, границы тогда усиленно охранялись. Въ сентябрѣ 1756 г. санитарный комиссаръ, гр. Э. Стараи, донесъ намѣстническому совѣту, что два книгоноши изъ Кієва пробрались черезъ Молдавію къ Ужку и были тамъ задержаны вмѣстѣ съ ихъ книгами. Что съ ними было потомъ — неизвѣстно.

Тотъ же Стараи 2 апрѣля 1757 г. сообщилъ, что задержанъ новый транспортъ книгъ. 7 августа намѣстническій совѣтъ запрости Стараи, кто эти книгоноши, на чьи средства ведутъ торговлю, для уніатовъ ли или для православныхъ назначены книги? Кроме того, вѣроисповѣдная комиссія совѣта предложила просить королеву, чтобы просмотръ кирилловскихъ книгъ, которыхъ не понимаютъ цензора, былъ переданъ Ягерскому епископу, ибо въ его епархіи есть лица, знающія церковно-славянскій языкъ. 26 августа королева постановила, что если виредъ будетъ привезено большое количество книгъ церковныхъ для православныхъ, то, удержавъ по одному экземпляру каждой, вернуть остальные торговцамъ; если же книги предназначаются для уніатовъ, то пусть Мукачевскій епископъ, при содѣйствіи іезуита, знающаго церковно-славянскій языкъ и обряды греко-католиковъ, пересмотритъ книги и черезъ посредство намѣстническаго совѣта представить свое заключеніе королевѣ.

28 сентября Стараи доносить, что еще въ маѣ, по приказанію Ужанскаго поджунаца А. Петроваи, задержанные въ апрѣль 1746 экземпляровъ богослужебныхъ книгъ были перевезены въ Унгваръ

¹⁾ Распорядившись въ 1726 г. о задержаніи таможнями книгъ, австрійская бюрократія позабыла дать предписаніе объ отправкѣ ихъ для цензуры изъ таможенъ въ Тернавскій университетъ. Поэтому книги постепенно скоплялись въ таможняхъ, гдѣ потомъ, по недостатку мѣста для ихъ храненія, просто сжигались. Только въ концѣ 1734 г. Прешпоркская камера обратилась въ Вѣну съ запросомъ: что же дѣлать съ этими книгами? (Нодінка, оп. с., 806). Какой былъ отвѣтъ — неизвѣстно.

²⁾ Нодінка, оп. с., 804—805.

и тамъ, въ присутствіи іезуита Feja, пересмотрені мѣстнымъ греко-католицкимъ парохомъ. Хотя всѣ книги были «схизматической», Петровай разрѣшилъ ихъ пропустить¹⁾). При этомъ Стараи добавляеть, что уніаты совсѣмъ не нуждаются въ «схизматическихъ» книгахъ, такъ какъ богослужебныя книги для нихъ могутъ быть напечатаны въ недавно устроенной типографіи въ Nagy-Károly, Сатмарской ст.²⁾).

Въ 1759 г. были въ Ужанскую таможню привезены изъ Москвы книги на 10 возахъ; 1 апрѣля 1760 г. — 690 экз., изъ нихъ 150 азбукъ; 13 мая того же года — 309 экз., въ 1762 г. — 733 экз., изъ нихъ 400 азбукъ. Въ 1759 г. просматривали книги Унгварскій греко-католицкій парохъ и канторъ, въ 1760 г. — намѣстникъ Мукачевскаго епископа и іезуитъ Henter, въ 1762 г. — уполномоченный епископа и одинъ іезуитъ. Всѣ они, безъ какихъ либо затрудненій, пропустили книги³⁾).

Послѣднее упоминаніе о книгоношахъ относится къ 1770 г.

Тогда въ Галичинѣ опять была чума, граница отъ Трансильваніи до Спиша была закрыта и охранялась не только пограничниками, но и военными отрядами. Въ февралѣ 1770 г. генералъ-лейтенантъ гр. Эстергази донесъ командующему войсками въ Угріи, генералу гр. Пальфи, что въ карантинѣ въ Ясеньѣ прибыли московские книгоноши. Книги были отобраны и опечатаны, а торговцы оставлены въ карантинѣ. Это, де, тѣ самыя лица, которыя въ 1769 г. продавали въ Трансильваніи будто-бы одобренныя книги. Военный совѣтъ 25 февраля доложилъ о случавъ соправителю Маріи Терезы, Іосифу, который распорядился доставить книги для просмотра въ Вѣну и Прешпоркъ. Пока шла переписка между разными вѣдомствами, книгоноши Степанъ Григоровичъ⁴⁾, Иванъ Ивановъ и Игнатій Тимофеевъ, нѣсколько ихъ слугъ, 4 повозки и 8 лошадей были, по истечениіи карантиннаго срока, переведены въ Мараморошскій Сиготъ, гдѣ жили на свободѣ, безъ права, однако, выходить изъ города. Наконецъ, книги въ 12 ящикахъ были отправлены, за счетъ купцовъ⁵⁾, черезъ Токай и Сольнокъ, въ Прешпоркъ, въ тамошній іезуитскій монастырь. Однако, цензоры-іезуиты 12 іюля заявили намѣстническому совѣту, что, не зная церковно-славянскаго языка, они не могутъ судить о книгахъ. Въ августѣ книги были перевезены въ Вѣну и были разсмотрѣны Саввой Лазаревичемъ, переводчикомъ Иллирской придворной депутаціи и корректоромъ славянскихъ книгъ въ новоустроенной типографіи Курцбека. По списку Лазаревича отъ 12 сентября, было 137 книгъ *in folio*, 46 *in 4°*, 155 *in 8°*, 110 *in 16°*, всего 448 экземпляровъ. Между тѣмъ, 16 мая

¹⁾ Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Петровай, изъ стариннаго румынскаго рода въ Мараморошѣ, самъ былъ православнымъ или, м. б., кальвинистомъ.

²⁾ Hodinka, op. c., 806—807. Типографія въ Nagy-Károly существовала очень недолго и была весьма мало производительна.

³⁾ Hodinka, op. c., 807—808.

⁴⁾ У Годинки: Gregorovics.

⁵⁾ 600 florinovъ.

были отпущены на свободу двое изъ книгоношъ, Ивановъ и Тимофеевъ. Черезъ Кошицы они отправились въ Преппоркъ, куда прибыли одновременно съ книгами, и стали хлопотать о возвращеніи имъ книгъ. Когда книги были доставлены въ Вѣну, они отправились и туда, и черезъ Лазаревича были допрошены Иллирской депутаціей. Кромѣ того, они просили канцлера Эстергази объ освобожденіи Григоровича, о возвращеніи книгъ и о разрѣшеніи ихъ продавать. Иллирская депутація, узнавъ изъ доклада Лазаревича, что привезенныя книги, кромѣ титульныхъ листовъ, не заключаютъ ничего подозрительного, и убѣдившись изъ допроса книгоношъ, что они не политическіе агенты, не чьи либо комиссіонеры, а частныя лица, торгующія за свой собственный счетъ, послала королевѣ подробнѣе донесеніе, предлагая, чтобы купцы, такъ много лѣтъ ведшіе честно торговлю, были свободно отпущены на родину. При томъ, однако, слѣдуетъ внушить Московитамъ, чтобы они больше не смѣли являться въ Австро-Угрію, такъ какъ уже съ февраля мѣсяца въ Вѣнѣ дѣйствуетъ типографія Курцбека, имѣющая на 20 лѣтъ монопольное право изданія славянскихъ книгъ. Королева одобрила это предложеніе и добавила, чтобы въ возмѣщеніе убытковъ книгоношъ имъ было выплачено изъ государственной казны 4000 фл. Получивъ эту сумму, Григоровичъ, Ивановъ и Тимофеевъ уѣхали домой.

«Это были послѣдніе московскіе книгоноши въ нашемъ отечествѣ», заканчиваетъ свое повѣстованіе Годинка. Мы бы, однако, не рѣшились высказатьсь такъ увѣренно, а ограничились бы замѣчаніемъ, что въ находящихся въ нашемъ распоряженіи официальныхъ документахъ послѣ 1770 г. нѣть больше упоминаній о московскихъ книгоношахъ. Вѣдь не все, что совершается въ жизни, попадаетъ въ официальные документы, не всѣ эти документы доходятъ до послѣдующихъ поколѣній и не до всѣхъ дошедшихъ документовъ доберется тотъ или иной отдѣльный изслѣдователь.

Приложенія.

1) Донесеніе I. Окличани отъ 23 сентября
1754 г.

— Archiepiscopum istum non potuisse esse Russicum seu ex Moscova oriundum, ast de Csarno-Gora Metropolitam, docent benignae litterae passuales Suae Majestatis — —, mihi in origine exhibitae, hic vero in copia sub A. adnexae, quibus in Russiam abitus sibi concessus erat. Redeunti vero ex Moscova Imperatrix Russica quales impertita sit passuales literas, perhibent paria, ex illis, quae originalibus. Russico sermone confectis passualibus, advoluta erant, transsumpta sub B. In comitatum istum per passum Sztropkoviensem intravit et in oppido Sztropkó, juxta relationem propriam, diem unam quieti indulxit. Unus ex ordine Basilitarum religiosus mox, ut condescendissent in diversorio pagi istius, cum ambabus salvi passus literis ad me missus erat, qui de libris, utrum in Sztropkó, ubi officium tricesimae est, insinuati sint, interrogatus, reposuit semet ibidem stetisse et pariter ac mihi praesentasse Russicas passuales, libros allatos insinuantes. Visis tum salvi passus tantarum Majestatum literis, tum comperto, quod locum tricesimae adiverit, ad sequestrandos aut lustrandos libros me consulto immittere non potuisse judicavi, sive enim tempus, quo per conquirendas linguae gñaras peri- tasque personas revideri debuissent, sive rigor, quem in sequestrandis admoveri oportuisset, spectetur, si id fecisset, modum debitum erga personam nationis et conditionis quam mansuete tractari debere quotidie edocemur, per me non observatum, aut benignis salvi passus literis in oppositum itum fuisse forte notari potuisset. Ac ideo expediens mihi videbatur unice, ut — — episcopo Agriensi librorum, dubio procul schismaticorum, inductionis reddidisse in notam, quod me fecisse cum transmissione copiarum utriusque salvi passus literarum humillime significo. Cum Moscovitis, in Tokaj degentibus, aliquem nexum foveri sunt pro ratione dubitandi, Viennenses passuales imo sufficienter conjicere videntur nullam isti cum illis esse necessitudinem. Accedit, quod et praefatus Basilita, et ipse Metropolita (cui suos inter homines et diversitoris famulum propter non solutas octo polturas ortae rixae me etiam conveniendi occasionem praebuerunt) sese Budam ac inde Viennam profici retulerint, hanc vero eo susceptam ipsorum professionem confirmarunt vectores, qui, in dedita (?) per me ad Ujhely euntem agniti ac interrogati, unde venirent et quo irent, responderunt, quod episcopum ex Moscavia Budam devexerint jamque in Moscoviam iter tenerent. Ut ampliasse vir iste suam, ex passualibus conceptam existimationem, dicebat se semper,

quando Augustae Aulae nostrae cum Ottomanis bellum est, nostris ad-stare partibus et vicena pluraque millia armatorum, qui suis nutibus parerent, hosti objicere.

Ioannes Okolicsányi, mp. Szacsur, 23 sept. 1754.

2) Litterae salvi passus.

Maria Theresia, Dei gratia etc.

Cum praesentium exhibtores, reverendus Vassilia Petrovics, Metro-polita de Černa-Gora, Stanischa Radonics serdar¹⁾, Nicudim iguman, Maxim diakon, Jovan Petrovics diakon, Petar Milatinovics, Jovan Andrics, hinc in Russiam proficisci intendant Nosque iisdem liberum ubi-vis ac expeditum iter obtingere benignissime cupiamus, idcirco devotiones et dilectiones vestras aliosque Nobis non subjectos benevole et benigne requirimus et hortamur, subditis vero Nostris serio praecipimus et man-damus, ut dictum Metropolitam Vassilia Petrovics cum dictis sex comi-tibus suis rebusque, quas secum habituri sunt, omnibus, quam in Nostris, quam in aliis ditionibus, terra marive, ubivis locorum non solum libere, tuto et expedite ire, transire, proficisci atque redire sinant, verum etiam, ubi id ipsi petierint, viarum ducibus, commeatu, equis, curribus, navibus aliisque, ad commodius perficiendum hoc iter suum necessariis, rebus prompte juvent atque ab aliis etiam id fieri sedulo current, facturae sunt in eo devotiones et dilectiones vestrae aliique Nobis non subjecti rem Nobis imprimis gratam, Nostri vero et ditionum Nostrarum subditi exe-quentur hac in parte seriam voluntatem Nostram:

Datum in civitate Nostra Viennae, die 11-a julii 1752-do, regnorum Nostrorum 12-o.

Comes de Ulfeld (L. S.) ad mandatum Sacrae Caes. Regiaeque Ma-jestatis proprium Ioh. Christophorus Bartenstein²⁾.

3) Переводъ русскаго паспорта.

Divina clementia, Nos *Elisabetha Prima*, Imperatrix et Auto-cratrix totius Russiae etc.

Notum sit omnibus et singulis, quorum interest, exhibitem harum, virum maxime reverendum, Basiliu, Montenegro Archiepiscopum, ab-hinc per Kijoviam in patriam ejus, praedictam Montenegro, dimissum esse. Nos proinde omnes supremas potestates amice rogamus et a quovis, pro conditione status et dignitatis, cui haec exhibenda fuerint, benigne desideramus, Nostris autem urbium militumque praefectis clementissime jubemus, ut praefato Archiepiscopo Basilio et proficiscentibus cum eo, abbatи Nicodemo, ierodiacono Maximo, necnon Rascianae nationis fa-mulis, Ioanni Petroff, Petro Milutinoff, Basilie Szunovics, Ioanni Andre-jeff³⁾), tam cum datis a Nobis eidem Archiepiscopo libris ecclesiasticis

¹⁾ Въ паспортѣ отъ имени Елизаветы Петровны, вмѣсто него, упомянуть «famulus Basilius Szunovics».

²⁾ Въ нашей копії: Phartenstein.

³⁾ Любопытно, что «famuli», оба Іоанна и Петръ, не удостоены обычного сербского суффикса «вичъ». Въ Московской Руси только по милости госу-даревой жаловалось писаться съ «вичемъ». Почему то для «Суновича» сдѣлано исключение.

caeterisque rebus, quam etiam cum eorum supselectili non solum liberum et ab omni impedimento immunem transitum ubique concedere, verum etiam, si necessarium fuerit, alicubi locorum aliquantulum permanendi ipsis facultatem permittere, tum quoque omnimodam benevolentiam auxiliumque praestare velint; quod Nos singulis supremis potestatibus in ejusmodi occasionibus vicissim retribuere promittimus, Nostri vero subditi hocce Nostrum mandatum exequentur.

In cuius rei fidem datae sunt hae litterae passus, sigillo imperii Nostri munitae. Moscuae, 16-a die Maii 1754.

Ad mandatum Suae Imperatoriae Majestatis Alexius comes de Bestouscheff Rumin, m. p.
